

Жизнь лицом к лицу со смертью

День Победы – самый главный праздник в семье Зои Федоровны Молоденковой. Не было еще ни одного года, чтобы не собрались в этот день за одним столом ее дети, внуки, а теперь уже и правнуки. Ради них, да и многих-многих других, родившихся позднее, ради их спокойной жизни она, как и все ее поколение, рисковала своей жизнью на Великой Отечественной.

Зое Федоровне среди многих женщин выпало на долю оказаться на фронте в самые первые дни войны, выжить, четыре года находясь на переднем крае. Вспоминать о пережитом она не любит, до сих пор это слишком тяжело, но в канун 60-летия Великой Победы было сделано исключение.

Прошедшие годы многое стерли из памяти, но то, какими красивыми были розовое крепдешиновое платье с нарядной отделкой, загодя купленное для выпускного вечера, и туфельки, сшитые на заказ в мастерской (подарок крестного к окончанию мединститута), запомнилось. Именно по стопам крестного, известного в Смоленске хирурга, пошла Зоя. В 41-м она сдала выпускные экзамены по специальности «хирург-невропатолог». Остановившись на достигнутом не собиралась. Отцу, умершему от рака в первые дни лета, обещала, что продолжит учебу.

Выпускной, назначенный на 22 июня, не состоялся, розовое крепдешиновое платье осталось висеть в шкафу. Курс Зои в полном составе в первый же день войны вызвали в военкомат: медики подлежали обязательной мобилизации. Новоиспеченных врачей с тремя кубиками в петлицах распределяли по тыловым и полевым госпиталям, санэшелонам. Старшего лейтенанта Молоденкову направили в маршевую роту.

Смоленск уже бомбили, за два дня он превратился в руины. Крестный, отвечавший за эвакуацию городских больниц, погиб. О судьбе мамы, брата и бабушки, с которыми не удалось даже проститься, ничего не было известно. Сформированные части спешно грузили в эшелоны и отправляли на фронт, в тыл шли составы с эвакуируемыми.

Замаскированный зелены-

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

ми ветками поезд, в котором оказалась Зоя, не пробыл в пути и часа: его разбомбили налетевшие немецкие самолеты. «Я глаза подняла, а там неба не видно, как будто сверху из мешка картошку вытрясают. Меня кто-то из старших военных затолкал под уцелевший вагон, и мы лежали там лицом вниз, пока все не закончилось. Из тех, кто пытался бежать с насыпи и укрыться в кустах, никто не спасся. Везде были кровь, куски тел. Раненые стонали и просили их застрелить. Помочь было нечем. Санитарный вагон сгорел полностью, не осталось ни бинтов, ни йода, ни спирта. Разорвали на перевязки все рубашки. Кто мог идти, отправились дальше, кто нет – остались...».

Путь до деревни, где располагался сортировочный пункт, занял несколько дней. Шли, укрываясь в кустах и оврагах – подсекали снайперы. Чуть не напоролась на немцев, их колонна на мотоциклах и велосипедах двигалась по дороге. «Мы успели спрятаться в кустах у самой обочины. Было видно, какая у них добротная форма с иголочки, блестящие сапожки, на нас – обмотки...». Дошли до леса, там было много лошадей из разбитого эшелона конной дивизии. Раненых добивали и готовили мясо. До своих из всего эшелона добрались меньше ста человек.

Зое Молоденкову направили командиром санитарной роты в полк, входивший в состав 4-й ударной армии Калининского фронта (с октября 43-го – 1-й Прибалтийский). Отступали. Позади остались Великие Луки, Торопец, Торопа...

им: «Там же траншей и окопов полно, когда шквал огня, трудно вам, что ли, схорониться да переждать, а потом бы уж дальше шли». Те лишь отвечали, что не положено, да кивали в сторону энкавэдэшников.

Спали урывками, ели на ходу. Мыться и стирать было негде, все быстро завшивело. Вторую смену белья не выдавали, а замену производили нерегулярно. Кухня с горячей пищей тоже частенько запаздывала, неделями сидели на сухом пайке. А вот ведомости на получение зарплаты, которая полагалась каждому военнослужащему, приносили четко. У кого в тылу остались родственники, могли отправить им денежные аттестаты, а те, кто ничего не знал о судьбе своих близких, как старший

Зоя в переводе с греческого означает жизнь. Дарующая жизнь в походно-полевом госпитале, 1944 г.

Раненых было много, работа круглые сутки. Лазаретом на передовой служила обычная брезентовая палатка, операционным столом – носилки из нескольких досок, наркосоз – спирт. Вынесенным с поля боя бойцам Зоя оказывала первую помощь, накладывала швы и повязки, ампутировала поврежденные конечности, извлекала осколки и пули, если не глубоко засели, на долгие операции времени не было – конвейер. Легко раненные возвращались в строй или работали в хоззаводе до полного выздоровления, служивых с более тяжелыми ранениями отправляли в передвижной полевой или эвакуогоспиталь. Тех, у кого шансы выжить были невелики, не отправляли никуда.

Бинтуя и штопая покалеченных солдатиков, выговаривала

лейтенант Молоденкова, лишь ставили подпись в нужной графе о перечислении средств в фонд обороны страны.

Откатившись до Москвы, перешли в наступление, и настроение у всех заметно улучшилось. Однажды в их часть приехала с концертом Клавдия Шульженко. Ей соорудили помост из бревен, а для слушателей набросали на землю веток. Сборище народа привлекло внимание немцев, их позиции от наших отделяла лишь небольшая речушка, было слышно, как они играют на губных гармошках. Когда артистка запела любимый всеми «Синий платочек», прогремел артиллерийский залп. Она упала, не закончив куплет. К ней подбежали, подхватили под руки и увели в укрытие, а слушателям приказали расходиться.

Больше артисты на передовую не приезжали, выступали чуть подалее от линии фронта. Здесь было слишком опасно: и снайперы постреливают, да и просто шальные пули долетают. В командира санитарной роты тоже не раз попадали, и ногу простреливали, и руку, и все навывлет, не задевая кости. А еще как-то осколком по касательной в шею. Но такие мелочи не являлись поводом «побюллетенить»: йодом залил, перебинтовал и обратно в строй.

До 1943 года женщин в армию, кроме медицинских работников, не брали. Первые годы войны Зоя была единственной девушкой в своем полку и находилась всегда в центре повышенного внимания сослуживцев. Но все попытки поухаживать за ней оставались без ответа: и времени на то не было, да и давать волю чувствам, когда в любой момент могут убить, на ее взгляд, было совсем ни к чему. «Сначала до конца войны надо дожить, а там посмотрим», – говорила она. В партию тоже не вступала, хотя перед каждым боем всех принимали по списку. Отмахивалась: «Времени нет заявления писать и на собрания ходить», чем портила парторгам всю отчетность. От присвоения званий отказывалась: «Лучше строевых командиров поощряйте, им это пригодится, а я, как война закончится, сразу демобилизуюсь». Только в конце 44-го дали ей четвертую звездочку капитана. Даже полученные награды – медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды – на гимнастерку так и не прикрепила: «Это армейские знаки, а женщина должна другие украшения носить, ей вообще ни на войне, ни в армии не место». И с годами Зоя Федоровна так и не изменила своим убеждениям, награды даже на праздник не надевает, к тому же большую их часть растащили как игрушки и растеряли внуки, когда маленькими еще были. Она и не жалеет: «Самая для меня важная награда, что жива осталась, ведь всю войну на передовой, с пехотой, что еще так?»

Лишь однажды представилась Зое возможность остаться в госпитале, да и то не тыловом, а полевом передвижном. Попала в него после контузии, полученной при форсировании Двины. Потеряла сознание, а когда стала приходить в себя, первое, что услышала, была немецкая речь. Приоткрыв глаза, увидела рядом двух офице-

ров и не на шутку перепугалась, решив, что попала в плен. Сразу вспомнились не раз виденные картины издевательств над пленными, причем грешили этим не только немцы, но и наши. Вспомнилось, как расстреливают пленных, выстроив в шеренгу вдоль ими же вырытой траншеи... К счастью, подоспели две медсестрички и объяснили: она у своих, а немцы – это «языки», которых перевязать нужно перед отправкой в штаб. К слову, трофейное оружие, подобранное после боя, носили при себе многие случаи, если попадут в плен. Его полагалось сдавать, но на передовой не все предписания четко соблюдались.

Две недели после контузии Зоя не поднималась с койки, когда смогла встать на ноги, сразу же включилась в работу госпиталя. Врачей не хватало, и начальник ППГ хлопотал, чтобы ее здесь и оставили. В штабе вроде бы пообещали, но когда через месяц документы на выписку были готовы, ей предписали вернуться в родную часть, которая продолжала вести наступление.

Весной 45-го, когда до Германии было уже рукой подать, их развернули, погрузили на машины и, ничего не объясняя, повезли в обратном направлении. В дороге и догнала их весть о капитуляции Германии. Но отпраздновать победу тогда так и не удалось. Вместе с радостной вестью прозвучал приказ никому своих мест не покидать, движение колонны не останавливать. Нашелся один смельчак – прошедший всю войну командир снайперской роты решил добежать до валяющейся чуть в стороне от дороги брошенной немцами повозки. В ней ящики с шоколадом виднелись, хотел дойти, чтобы хоть как-то отпраздновать день, которого столько ждали. Через несколько секунд раздался оглушительный взрыв, от парня даже кусочка не удалось подобрать, чтобы похоронить.

А колонна продолжила движение на Восток, впереди была еще одна война – с Японией. Жаркие пески, отравленные колодцы, вьюжные сахалинские зимы... Там Зоя и встретила свою любовь, Василия, там они и поженились, когда закончилась война. Там родился их первенец и отыскались Зоины родные, которые были эвакуированы на Урал. Но это уже другая история.

Ирина КОСУЛЬНИКОВА